

ЭПИЗОД 1. ОТКУДА БЕРУТСЯ ШПИЦЫ

1985 год. Сыктывкар. Аэропорт. Зал ожидания. Вечер. Нетерпеливыми, но подконтрольно медленными, умиротворяющими тревогу шагами пространство прорезает молодой мужчина, отсчитывая время своего ожидания. От кресла до окна, от окна до стены и обратно, по лестницам вверх и вниз — он слоняется бесприютно по зданию аэропорта. На улицу не выбежал, потому что не курит. Иначе, может, и выскочил бы ненадолго, толкнув порывисто и нервно стеклянную дверь, а просто воздухом подышать — нет, это слишком далеко от желанного самолета. Даже повернуться спиной к стене, за которой на летном поле стоят авиалайнеры, боязно, как будто это может отсрочить вылет. Обычно разговорчивый и способный завести теплую беседу с любым попутчиком, мужчина сегодня молчалив и погружен в сумбур своих мыслей. В его голове слайд сменяется другим так быстро, что резкость не успеваешь навести, и ни один из них невозможно ухватить, чтобы заземлиться. Слайд, призывающий к действию выпить, голову не посетил, потому что, пусть и нервы, но нет такой привычки — махнуть стопочку. Может, это помогло бы не так психовать из-за приятного, но холодного и оттого очень раздражающего голоса из громкоговорителя, который регулярно выдает все новые и новые объявления, а заветные слова

из него никак не раздаются. Анатолий Васильевич Шпица ждет, чтобы невидимая женщина-диспетчер из радиорубки, где вершатся судьбы, наконец-то произнесла: «Началась посадка на рейс Сыктывкар — Пермь».

Мужчина прилетел час назад из Инты, а впереди было еще целых 2 часа до пересадки. Погрузившись в мысли и отчего-то чувствуя сильное волнение вместо радостного предвкушения, он протоптал квадратные метры здания аэропорта вдоль и поперек. Тревожился, будто бы о чем-то уже знал. Хотя складывалось все очень удачно: на шахте пошли навстречу, дали отгулы, в авиакассах на Комсомольской поспаслилось купить билеты на идеально подходящий рейс. И вот теперь оставалось дожидаться. Бродя меж будущих авиопутчиков, Анатолий иногда на миг замирал среди людского муравейника то с серьезным лицом, то с блуждающей улыбкой, искрящейся на кончиках темных с позолотой усов. Окрыленный удивительными чувствами, он трепетно ждал полета.

Молодой, стройный, красивый, больше похожий на кинозвезду, чем на шахтера, — он, непрерывно перемещаясь, включался, как лампочка то тут, то там по всему аэропорту. «Светящийся» мужчина 3 дня тому назад неожиданно стал отцом и теперь спешил в Пермь на выписку из роддома. Перечитывал в уме сфотографированные памятью телеграммы. Первую получил 28 октября: «Ухту не вылетай, Галя попала больницу»*. Какое счастье, что она не успела вылететь в Ухту, как они планировали, а то ведь все могло случиться и в самолете. Вторая телеграмма пришла 29-го. Анатолий прочел ее, когда пришел домой с ночной смены. Узкая бумажная полоска, вклеенная в открытку с щекастым зайчонком, со словами «Поздравляем дочкой» так и стояла перед глазами.

* В телеграммах исключали предлоги.

Слайд выдернул из головы все тот же голос диктора, который теперь казался самым дружелюбным на свете: «Уважаемые пассажиры...» Это было приглашение на посадку!

Столпой попутчиков прошел в зал вылета. Сна от волнения ни в одном глазу, ладони немного потеют, сжимая ручку наскоро собранной без обычной помощи жены сумки. И вот уже электрический свет в вечернем аэропорту стал казаться очень теплым, гостеприимным, как свет прихожей в доме, куда приятно возвращаться и откуда легко провожают, заботливо попросив присесть на дорожку. Прошло вечных полчаса, и тут громкоговоритель плюнул трещащей нотой новой «песни» — Анатолий всем телом подался к выходу на трап. И как только тело могло так опередить звук... А звучало: «Пермь не принимает, покиньте зал вылета до новых распоряжений». Внутри все оборвалось. Так вот почему он так волновался. Задержку рейса объявили минимум до утра. А ведь утром, максимум днем, Галю надо уже забрать. Остаться в аэропорту было немыслимо трудно. И Анатолий, стряхнув разочарование и отчаяние с плеч, стал думать, как ему действовать.

В это время, отдав свою новорожденную дочь после вечернего кормления, как полагается, нянечке, которая унесла ее в общую детскую, Галя сидела в палате совершенно одна, неприкаянно озираясь по сторонам и мучаясь вопросом: «Как быть?» На нее с соседних коек смотрели с немым укором завитки свернутых матрасов. Всех выписали еще до полудня. Под окном то и дело раздавались смех и умиление на разный лад, пока поток выписывающихся и встречающих не иссяк. А Галина Федоровна Карповская теперь терзалась в палате, оставшись одна среди этих разноцветных матерчатых улиток, которые отправили в жизненный путь состоявшихся матерей с их детьми — новыми людьми — и отдыхали до следующих. Они будто молча упрекали

Галю за то, что она задерживается. Женщина мучилась дилеммой: дожидаться застрявшего в Сыктывкаре мужа или выписаться в срок. Вопросов было много: «Придумает ли он что-то или нет? Почему не принимает Пермь?» И как было странно, что ее выписывают, как обычную родильницу, ведь у Кати явные признаки недоношенности. Еще бы, на месяц с лишним раньше родилась, и никакие внутривенные препараты, которые кололи Гале несколько часов, ее не остановили. И даже кювез не понадобился. Вот и говори после этого, что у 8-месячных низкая выживаемость.

Галя всегда отличалась гиперответственностью и повышенной совестью и, как истая комсомолка, не любила попирать справедливые правила (она даже родила в день рождения комсомола!). Но из роддома ее гнал не системный характер. Представить одинокую ночь, когда она и днем-то вздрагивала от каждого плача из далекой детской, Галя не могла. Сердце от этих звуков разрывалось. Как продолжать быть тут, когда уже утром можно будет прижать к груди дочь и никому не отдавать, ни в какие чужие, хоть 300 раз профессиональные руки, а самой оберегать ее недостаточно заросший родничок, пеленать и мыть. И почему только нельзя быть с ребенком в роддоме вместе, кто придумал эти свидания по часам?!

Где-то там в Сыктывкаре Толя с холодной испариной на лбу и с застывшим взглядом светлых серых глаз, обращенным внутрь, пытался изобрести из воздуха осточертевшего аэропорта машину времени и не мог себе представить, как же это он не заберет из роддома дочь, а Галя — тут в палате не могла представить, как можно было бы добровольно отказаться от воссоединения с дочкой сию минуту и ждать мучительно еще сутки.

Анатолий купил билет до Кирова, прилетел туда, но ситуация в Перми не менялась, и он помчался на железнодорожный вокзал, где все подходящие поезда уже ушли,

и впереди был чудовищно большой перерыв, беспощадный — до самого вечера...

Он позвонил Гале в роддом, а она из телефонной будки, не пускаясь в долгие объяснения, решительно сказала, что всех выписали и ждать не собирается. В ее голосе был будто взгляд в сторону, но своим неусыпным взором через разделяющее людей пространство она смотрела не на мужа. Галя делала стены прозрачными, чтобы видеть дочь присущим лишь матерям зрением. Анатолий не стал спорить. Что в голове у едва родившей, да еще в таких обстоятельствах, женщины — сложно вообразить. Но, что греха таить, обиделся. Интересно, пройдет ли обида, пока доберется, примирится ли разум с сердцем и с каким чувством он явится на порог? И как же получилось, что Катя так рано родилась? Все ли с ней хорошо?

Пожалуй, то, что мой папа не успел на выписку из роддома — самый драматичный момент в истории нашей семьи. Могу себе представить его досаду и боль. Мне самой до сих пор за папу обидно. Когда я представляю всю ту самолетную западню, мне вместе с ним горько, хочется вернуться туда, изменить хоть что-то, чтобы он успел, чтобы у него не было даже в самом крохотном уголке сердца этой неутоленной тоски, этой, в контексте всей жизни, не такой уж большой ранки, которая до сих пор нет-нет да вспомнится и саднит. В семейном архиве есть той ране свидетельство. Поняв, что не успевает, папа отправил маме телеграмму: *«Галинка, родная! Прости, что нет рядом тобой, спасибо дочку! Крепко целую. Люблю вас, Толя».*

Так сложилось. Когда папа наконец-таки добрался до Перми и уже подошел к двери маминой квартиры, он был все еще окутан дымкой досады и грусти. Не так... Не так он хотел! И эта пелена, будто легкое полотно шелка, невесомое, белесое, почти прозрачное, занавесив дверной проем,

немного придержала шаг через порог, но только ненадолго. Мама улыбнулась и сказала: «Ну иди же, смотри».

Никто не ожидал моего рождения именно в Перми, поэтому кровати не было. На пол спустили антресоль от стенки «Хельга», застелили и сдвинули в угол. Там я сверточком и лежала, когда меня впервые увидел папа. Пришел, увидел, полюбил.

На следующий день оказалось, что никто, кроме него, не может меня мыть. Мама боялась: на вид я была хрупкая, как красненькая тропическая лягушонка. А папа и любил, и мыл без страха. Объясняет, смеясь, что был молодым смелым дураком: «Шо там мыть? Несколько квадратных сантиметров, на руку положил да помыл». Я родилась 45 см, 2,9 г. Врач сказала, что, если бы мама доносила положенный месяц, родилась бы у нее богатырша. Так что мой первоначальный вес был не так уж и мал для 8-месячной. Но мама — есть мама. Она огибала собой наш помывочный дуэт, просачиваясь тревожным вниманием в каждую щель между моим телом и папиными руками, одним взглядом уплотняя в этих промежутках воздух, контролируя скольжение детского мыла и поддерживая шею, которую и так, конечно же, надежно держали. Папа говорит, что она была похожа на пантеру рядом со своим детенышем.

Любовь между ними, любовь ко мне и заботы счастливого родительства, конечно же, вытеснили ту обиду. Никто не был виноват. Очень важно все вовремя проговаривать, рассказывать подробно о своих чувствах и мотивах и с помощью этого 100 раз убедиться в том, что вы друг друга слышали, и если нужно будет, повторять разговор еще и еще. Не должно быть у двоих недомолвок: они с годами превращаются в прокисшую правду. Будто смотришь на бутылку с просроченным молоком — выпил бы, а уже нельзя. Представляешь, как бы ты ее пил — вкусно, аж усы над губой белые. А время-то упущено.

ЭПИЗОД 2. НАЧАЛО НАЧАЛ

Идут по парку две Гали — обладательницы курсовки в Сочи, волею судеб соседки по съемной курсовочной квартире, направляются на пляж. Обе прилетели в город вчера. Разместились, в квартире и познакомились. Наутро решили погулять и позагорать. Единственное «клевое» место, которое знала одна из Галь — не Карповская, — был парк «Ривьера» и одноименный пляж. Туда она и повела другую, Карповскую. Они шли к морю, а навстречу нарядные дети — в школу. На дворе было 1 сентября. Кому портфели, а кому — купальники.

Главная в этой истории Галя — будущая мама девочки Кати — в этот день надела легкий зеленый сарафан с разноцветными мелкими цветочками пастельных тонов, что очень шло к ее глазам. А на ногах были бледно-зеленые босоножки на каблучке. Мужчины сворачивали головы, с ней это происходило всегда и везде. И под аккомпанемент этих восхищенных взглядов и перехваченных дыханий легкой походкой под ручку с новой подружкой Галя приблизилась к лестнице, ведущей на пляж.

За спиной очень тяжелый, болезненный развод, перед глазами — галька и море. Это потом весь пляж усеют всевозможные палатки и рекреационные зоны, а 1 сентября

1984 года пляж «Ривьера» был виден как на ладони. Галя обвела его взглядом слева направо и остановилась на молодом человеке метрах в ста по диагонали. Он сидел, повернувшись в три четверти к ней на шезлонге, почти у самой воды, пристально разглядывая что-то на своей красивой, деликатно мускулистой, с привлекательным рельефом и почти безволосой груди. Как она смогла это прорентгенировать с такого расстояния — загадка зрения, которое, раз уж на то судьба, бывает зорче орлиного. Галя сказала подружке — тезке (будем называть ее далее Галкой): «Смотри, какой там парень симпатичный сидит!» Галка ответила: «Ого, ты глазастая!» Галя сняла свои чудные, изящные, достойные феи босоножки, чтоб уберечь эту красивую и непомерно дорогую для нее покупку от камней, взяла их за тоненькие перемычки, и они с подружкой двинулись проверить, алмаз ли Галин глаз.

Чутье Галю не подводило раньше, не подвело сейчас и не подведет потом ни разу за всю жизнь. Вблизи молодой человек оказался столь же хорош, как и издалека. Стало интересно, кем он работает, раз может себе позволить шезлонг за 25 копеек в час... Кинули подстилки рядом. Он явно косил глазом на Галю, но разговор не заводил, не знакомился. Эх! Проходит 5 минут, 10, полчаса — молчит. Стесняется? Вдруг он встал, достал деньги из кармана дорогих джинсов и куда-то ушел. В трусах. Вернулся. Без «подкатного» мороженого. Значит, не за ним ходил. Ладно-ладно.

«Молодой человек, пока вас не было, на ваши джинсы покушались, а я отбила», — взяла дело в свои руки Галя.

«Я очень Вам благодарен. И приглашаю вас покататься на катамаране. Меня зовут Анатолий». Пока он вместе с работником проката выкатывал катамаран к воде, Галя

быстро взяла его паспорт из залоговой ячейки и шустро пролистала до графы «Дети». Пусто. Значит, можно! Ура!

Через 4 дня они сняли квартиру на двоих, а еще через неделю он уехал. Она пошла с подружками кататься на тарзанке. Упала и сломала ногу. На танцы больше не ходила. Конкуренцию Анатолию никто не составил. Тоже ура!

Да... Сколько же всего сошлось в день знакомства моих родителей! Ведь надо же было им друг друга увидеть! Одновременно! Не только мама сразу увидела папу издалека. Он рассказывал, что, сидя почти спиной к той лестнице, тоже вдруг почувствовал, как кольхнулось слева сзади что-то зеленое, как будто затылком увидел, ей-богу. Мама папе сразу понравилась, будучи еще цветным пятнышком на горизонте, размытым и четким в одно и то же время. В ней восхищено все: искристая копна целующихся с ветром и солнцем волос, и ладная фигурка, и зеленое платье, и босоножки ему в тон — на стройных ногах. Когда папа понял, что мама с подругой идет к нему оттуда, сверху, как богиня с Олимпа, он глазам поверить не мог, чуть не задохнулся от волнения. И отчаянно стеснялся заговорить. Говорит, что, если бы она сама этого не сделала, он, скорее всего, так бы и не решился. Любовь не имеет счетчика инициатив! Хорошо, что джинсы были дорогие и что мама нашла, как пошутить.

Все это произошло, благодаря тому, что мои родители до своей встречи кардинально изменили планы. Мама — задолго, папа — за пару дней. Мама собиралась в круиз в мае, но не нашла 250 рублей, слишком это было для нее дорого, и перенесла отпуск на сентябрь, взяла курсовку в Сочи. Так что нехватка денег может быть весьма полезным для судьбы препятствием. А папа сначала приехал

по своей шахтерской путевке в санаторий где-то в Краснодарском крае. Ему там не понравилось, через несколько дней он плюнул и уехал в Сочи. Очень важно слушать свои желания! Мама прилетела из Перми 31-го вечером, папа — из Инты ближе к ночи. И оба рано утром пошли на пляж. Спасибо соседке Галке за то, что привела туда маму.

Детям очень интересно хоть в сотый раз слушать, как познакомилась родители. И я тоже с замиранием сердца слушаю и каждый раз со странным, безотчетным, бесполезно запоздалым волнением думаю о том, что любой шаг мог изменить траектории их путей. И еще я поэтому прислушиваюсь к себе на любом дорожном перекрестке, на любой развилке и иду домой, например, то через арку сквозь двор, то через улицу вдоль дома. Мне то нужно поспешно запрыгнуть в вагон метро, пока двери не успели закрыться, то медленно идти, даже если опаздываю, и спокойно слушать, как глухо клацают прорезиненные челюсти вагона за вбежавшими в последний момент пассажирами. Я слушаю голос внутри, пытаюсь понять, как хочется мне поступить в этот момент, и иду туда, где легче дышится. Потому что не хочу пройти мимо счастливого варианта судьбы.

Когда я была маленькой, я знала только эту часть истории знакомства — романтическую, радужную, полную счастливых случайностей, по-киношному сказочную. Когда выросла, мне доверились больше. И тогда я поняла, что, пока человек доберется до своего счастья, ему через многое, возможно, придется пройти. И что бы ни происходило, надо заставлять себя вспоминать, что то, что кажется личной трагедией, по прошествии времени может оказаться всего лишь частью пути, шагом навстречу судьбе.

Как я уже упомянула, на момент встречи с моим папой мама год как была разведена. Пережила развод тяжело:

с первым мужем они были вместе 13 лет. Целую жизнь! Он был ее первой любовью, познакомились еще в школе. В 16 мама родила мою старшую сестру Лену, и они с возлюбленным поженились и жили долгое время счастливо, были образцовой комсомольской семьей, продолжали учиться, ездили везде втроем с моей сестрой на слеты и соревнования, ходили в походы. У них были и прочие атрибуты крепкого союза. Они любили друг друга столько, сколько им было отмерено, пока жизнь не сделала крутой поворот в темноте, абсолютно неожиданный, предательски не указанный на карте. Он ушел к другой. И на несколько лет вовсе исчез не только из маминой жизни, но и из жизни моей сестры. Жить потом было трудно: мама работала на трех работах, они с Леной собирали бутылки и ели порой одни только макароны с сахаром. А моя сестра оставила в прихожей пальто и старые ботинки своего отца, чтобы подружки, которые приходили в гости, думали, что у нее есть папа...

Первый брак моего папы продлился не так долго — 3 года. Женился по молодости, скоропалительно, имея гипертрофированное чувство долга и определенные представления о чести. А когда папа встретил мою маму, его отношения с первой супругой уже изживали себя. Вернувшись в Инту, он в тот же день как на духу объяснился с женой и попросил развода. Моей маме сообщил об этом в письме. Когда она прилетела из Сочи обратно в Пермь, конверт уже ждал ее дома. Мамина сестра, глядя на адрес «Республика Коми, город Инта», сказала: «Тебе тут какой-то чукча письмо прислал».

Невероятно несправедливо и грустно то, что довелось испытать двум моим самым родным женщинам — маме и сестре, и первая жена моего папы наверняка пережила душевную боль. Но ведь если бы этого всего не произошло, меня бы попросту не было!